

А. А. Козлов
Витебский государственный университет
имени П. М. Машерова

ЦЕНЗОРСКИЙ СОСТАВ ОБЛАСТНЫХ УПРАВЛЕНИЙ ГЛАВЛИТА БССР В ПОСЛЕВОЕННЫЙ ПЕРИОД (1945–1953 ГОДЫ)

Статья посвящена малоизученной в белорусской историографии теме истории местных органов советской цензуры (обллитов) в БССР в 1945–1953 гг. годы. Обллиты являлись частью системы государственного контроля, функционировавшей в советский период. В БССР цензуре подвергались периодические издания (областные и районные газеты), печатная продукция местных типографий, микрофонные тексты для радиопередач, репертуарные материалы для театральных постановок. Восстановление системы цензуры в республике происходило в сложных условиях послевоенного периода, что создавало проблемы при комплектации цензорского состава обллитов.

Отличительной чертой советского государства с самого начала его существования было наличие системы цензуры, под надзором которой были все средства массовой информации. После оккупации БССР она временно прекратила свою деятельность. Но по мере освобождения территории Беларуси в областях и районах возобновлялась работа местных органов цензуры (обллитов), которые на местном уровне осуществляли цензорский контроль, пресекая распространение материалов, обнародование которых власти считали вредными или нежелательными. На работу цензуры также оказывала влияние и международная обстановка. В послевоенный период в мире резко обозначились два центра притяжения. С одной стороны – Советский Союз, представлявший лагерь социализма, а с другой стороны США, возглавлявшие капиталистические силы. Агрессивная политика со стороны США и их вмешательство во внутренние дела других стран вызвали ответную реакцию со стороны СССР, который также стремился расширить сферу своего влияния и желал обеспечить внутреннюю стабильность. Такое международное положение в сочетании с жесточайшим сталинским режимом, требовало от работников советской цензуры усиленной бдительности, охраны военных и государственных тайн в печати, так как считалось, что иностранная разведка часто получала нужные ей сведения из советской печати. В настоящее время проблема доступа к информации актуализировалась из-за значительного расширения информационного пространства.

Белорусские исследователи В. Матох, В. Ракашевич А. Гужаловский, Л. Смиловицкий и др. обращались к теме политической цензуры. Однако кадровый вопрос в местных органах цензуры (обллитах) БССР в 1945–1953 гг. рассматривается впервые.

Цель статьи: показать положение цензорского состава местных органов цензуры в 1945–1953 гг. Исследование основано на принципах объективности и историзма. При написании статьи использовались как общенаучные (анализ и синтез), так и специально-исторические методы (историко-генетический, ретроспективный).

В 1941 г. белорусское цензурное ведомство и его сотрудники вместе с секретной документацией из Минска и восточных областных центров были эвакуированы в г. Чкалов (такое название имел г. Оренбург с 1938 по 1957 г.). В июне 1943 г. решением ЦК КП(б)Б работа Главлита БССР была возобновлена в Москве, а в начале 1944 г. цензурное ведомство переехало в г. Новобелица Гомельской области. В июле того же года оно вернулось в Минск [1, с. 17]. В течение июля, августа, сентября 1944 г. были укомплектованы аппараты Гомельского, Могилевского, Полесского и частично Витебского обллитов и райлитов областей, а к концу 1944 г. начальники обллитов были уже в 10 областях; в 15 районах имелись райлиты. К концу 1945 г. райлиты были во всех районах [2, л. 4]. Райлиты выполняли свои цензорские обязанности по совместительству. В большинстве своем это были заведующие

отделами пропаганды и агитации райкомов партии [1, с. 19]. Практически облитам они не подчинялись. Без разрешения обкома партии их не могли вызывать на совещание или семинар и только проверяли их работу путем выезда в район [3, л. 14]. Штатные цензоры и цензоры-совместители осуществляли предварительный контроль над районными газетами, проводили проверки библиотек и книготорговой сети, проверяли типографии, музеи и выставки, репертуар театров [4, л. 11]. Кроме того, контролировались передачи 12 областных и 125 районных радиоузлов [5, с. 145].

За распространение информации сотрудники облитов несли ответственность согласно Указа Президиума Верховного Совета СССР от 9 июня 1947 г. «Об ответственности за разглашение государственной тайны [1, с. 62]. Указ гласил: «Разглашение сведений, составляющих государственную тайну, совершенное лицами, которым были доверены эти сведения или которые могли получить эти сведения в силу своего служебного положения, поскольку эти действия не могут быть квалифицированы как измена Родине или шпионаж, — карается заключением в исправительно-трудовой лагерь на срок от восьми до двенадцати лет» [6]. Работники облитов также обязывались сообщать в местные органы КПБ обо всех изменениях в сведениях, указанных в анкетах и в автобиографиях, в частности о родственниках и знакомых, связанных с иностранцами или выехавшими за границу [7, л. 9].

Облиты восстанавливали свою деятельность в очень трудных условиях. Например, Витебское управление не имело своего помещения, не было укомплектовано и не имело соответствующего оборудования. Финансирование облитов также было слабым. По смете, предусмотренной Главлитом Витебскому управлению, было ассигновано 8500 рублей на приобретение оборудования, на освещение, отопление и почтовые расходы. Получено же было только 4000 рублей. За приобретенное оборудование пришлось платить личными средствами сотрудников [2, л. 4]. В 1947 г. Главлит БССР предупреждал всех начальников облитов, что за нарушение финансовой дисциплины виновные будут нести административную и судебную ответственность. Начальникам и старшим бухгалтерам предписывалось строго следить за исполнением сметы, оплаты счетов и частных расписок. Запрещалось приобретать канцелярские принадлежности на частном рынке. За грубое нарушение сметно-бюджетной дисциплины Гомельским облитом, выразившуюся в перерасходе за 1947 г. в размере 2404 руб., за оплату частных счетов и расписок, невыплату зарплаты за первую половину декабря районным цензорам и за их замещение начальнику облитов был объявлен выговор, а старший бухгалтер был освобожден от работы. Дебиторскую задолженность допустил и Гродненский облит и из-за нее не смог произвести выплату за замещение цензоров [8, л. 24–25].

Одним из последствий войны была нищета и разруха и для обеспечения рабочих и служащих промышленными и пищевыми товарами в БССР, как и во всем СССР, существовала карточная система. Работники облитов получили карточки по группе рабочих [9, с. 69]. Начальник облитов получил первый литер, политредакторы (цензоры) получили второй литер. Кроме того, начальник облитов имел литер «А», политредакторы литер «В» на питание. [2, л. 2]. Литеры отличались по количеству и качеству продуктов. В продуктовый набор входили деликатесы того времени и дефицитные продукты питания (колбаса, сельдь, масло, мясо, копчености, тушенка, шоколад, мука, крупа и др.), которые закупались по государственным ценам [10, с. 55]. Политредакторов лишили литерного питания в 1946 г. Ситуация с жильем также была сложной: политредакторы не имели квартир и разрешить этот вопрос долгое время не удавалось [2, л. 2]. В 1947 г. из квартиры был выселен начальник Витебского облитов и некоторое время вынужден был жить на заброшенной кухне, непригодной для жилья [2, л. 19]. В послевоенное время имелись перебои в продуктах — карточки не отоваривались крупой и овощами. Каждый облит находил свой выход из положения. Цензоры Полоцкого облитов, включая начальника, для обеспечения себя необходимыми продуктами сеяли огороды [11, л. 27]. Работники Витебского облитов были обеспечены достаточным количеством картофеля и овощами через облизполком [2, л. 26]. В декабре 1947 г. карточная система была отменена [5, с. 111]. В том же 1947 г. у Витебского облитов возникли проблемы с отоплением, так как секретарь облизполкома отказался снабжать его дровами. Их пришлось заготавливать

самим работникам управления [2, л. 19–20]. В неотапливаемом и неподготовленном к зиме помещении размещался и Гродненский обллит [1, с. 19].

Основной трудностью в работе органов цензуры являлся подбор кадров. Из работников, работавших в системе местных органов цензуры до войны, вернулись на свою работу только два начальника обллитов – Гомельского и Минского. Но, несмотря на продолжительность работы в цензуре, по своей общеобразовательной подготовке этим работникам было трудно работать в цензуре [12, л. 147].

Низкий общеобразовательный уровень цензоров был характерен не только для БССР, но для всех регионов СССР. На 1 января 1949 г. из 1630 местных цензоров только 373 имели высшее образование. Главлит СССР в целях улучшения подбора и укрепления кадров поставил перед ЦК ВКП(б) вопрос о необходимости осуществить ряд мероприятий, направленных на повышение престижа работы этой категории кадров [15, с. 145].

Для организации органов цензуры и укомплектования аппаратов обллитов необходимо было обращаться в обкомы и райкомы, которые не всегда торопились выполнить эти обязанности. Так, в течение полугода Главлит БССР не мог добиться от отдела кадров Полоцкого обкома назначения начальника обллита в Полоцкой области. В Гродненскую, Брестскую, Баранавичскую, Молодечненскую, Бобруйскую, Пинскую области начальников обллитов пришлось посылать Главлиту по согласованию с отделом кадров ЦК КП(б)Б.

Главлит, наряду с подбором новых работников, занимался заменой не справлявшихся с работой цензоров. Как «не соответствовавшие занимаемой должности» были освобождены начальники Брестского и Молодечненского обллитов [12, л. 148]. По Полоцкому управлению в 1948 г. были уволены: начальник обллита, начальник спецчасти и уборщица [12, л. 126]. Подобное положение было и в других областях.

Низкие оклады цензоров (500–700 рублей в месяц) являлись большим тормозом при подборе работников [13, л. 4]. Имелся ряд случаев, когда работники, отстраненные от работы как не справившиеся с обязанностями цензоров, переходили на более высокооплачиваемую работу. Например, цензор Игонин был освобожден от занимаемой должности как слабый, не подготовленный работник. Как цензор он получал 600 рублей, а на новой работе – 900 рублей. Цензор Ханина Х. Л. вместо 690 рублей стала получать 1000 рублей. Освобожденная от обязанностей цензора Капиелович М. Б. поступила на работу в Белорусское государственное издательство и вместо 790 рублей, которые она зарабатывала в Главлите, стала получать 1100 рублей [12, л. 149]. Тем более это относилось к работникам, которые по собственному желанию покидали органы Главлита. Особенно это стремление было заметно у работников, имеющих высшее образование, и бывших газетных работников. Например, в Витебском обллите низкий оклад и отсутствие карьерного роста не устроили цензора обллита с высшим образованием, состоявшего на хорошем счету, и он перешел на работу в 1947 г. в редакцию «Витебского рабочего» [2, л. 23–24]. В 1948 г. в Витебском управлении сменилось два цензора по предварительному контролю газеты «Витебский рабочий», в 1949 г. еще один цензор и два начальника спецчасти [3, л. 28]. В результате из 5 сотрудников Витебского обллита, ни один не имел высшего образования [14, л. 4]. У двоих не было даже среднего образования [15, л. 16].

Среди начальников обллитов текучесть была меньше. Однако в Главлите БССР отмечали, что хотя отдельные начальники обллитов работали по несколько лет в органах цензуры, но в силу слабой теоретической и общеобразовательной подготовки, отсутствия инициативы, организаторской способности с работой не справлялись начальники Полесского, Полоцкого и Минский обллитов [16, л. 149].

Большая текучесть была и среди районных цензоров. Вопрос о закреплении их осложнялся тем, что они работали по совместительству и при переводе районного цензора по его основной работе на другую работу он вынуждено освобождался от обязанностей цензора. В 1944, 1945 и 1946 гг. районные цензоры менялись в году по 3–4 раза. В течение 1947 г. из 175 районных цензоров сменилось 77 человек. Особенно часто менялись цензоры в Полесской, Бобруйской, Гродненской и Молодечненской областях. По три раза менялись районные в

Старо-Дорожском, Гресском, Бобруйском, Старобинском, Осиповичском районах Бобруйской области. Волковысском, Гродненском, Желудокском, и Щучинском районах Гродненской области; Брагинском, Житковичском районах Полесской области, а в Наровлянском районе той области за это время сменилось 4 районных цензора.

Райкомы партии не уделяли должного внимания вопросам подбора новых районных цензоров. Об этом говорят следующие факты: в июле 1947 г. цензор Бельничского района Могилевской области был переведен на другую работу и освобожден от занимаемой должности. В сентябре месяце, в связи с уходом на учебу, был освобожден и цензор Дригибинского района этой же области и до февраля 1948 г., несмотря на неоднократные просьбы начальника Могилевского обллита т. Шуригина, Бельничский и Дрибинский райкомы партии не выделяли новых цензоров. Обязанности районных цензоров в этих районах исполняли заместители цензоров, которые очень часто посылались в служебные командировки, и газеты в это время выходили без контроля цензуры. В таких районах имелось наибольшее количество разглашений военной и государственной тайн в печати. Так, в течение 4 месяцев в Бельничской районной газете за это время было пять нарушений «Перечня», в Стародорожской, Гресской и Старобинской газетах – по два нарушения [12, л. 180]. Плохая связь с райлитами приводила к тому, что начальник Минского обллита в течение двух недель не знал, что назначен новый райцензор. в Пуховичском районе. Аналогичные факты имели место в Брестском и Гродненском управлениях. В результате такого руководства к работе цензора новые работники приступали без всякого инструктажа, в результате чего допускались ошибки и нарушения, которые приводили к разглашению секретных сведений [17, л. 175].

Работа райлитов обстоятельно проверялась при выездах в район. Порядок визирования газет и радиовещания, порядок хранения документов, там же на месте давались указания о выявленных недостатках. Каждый выезд оформлялся специальным приказом, где указывались найденные недочеты и давались сроки их устранения. Приказы рассылались всем райлитам для исправления выявленных недочетов, а также высылались Главлиту БССР [3, л. 3].

Большое значение имела номенклатура цензорских кадров. Она должна была давать возможность соблюдать определенный порядок и дисциплину в использовании кадров. Например, в 1947 г. сектор Минского обкома КП(б)Б направил в обллит на должность цензора тов. К., который оказался малограмотным и в написанных на личном листке по учету кадров и автобиографии сделал более 150 морфологических и синтаксических ошибок. Начальник Полоцкого обллита назначил на должность бухгалтера человека, который никогда не работал на бухгалтерской работе и имел недостаточную общеобразовательную подготовку. Главлит их не утвердил на должностях, а начальникам обллитов было указано на «несерьезное отношение к подбору кадров».

Главлитом БССР была утверждена номенклатура должностей, которые назначались и освобождались его приказами. В списки номенклатуры были включены 26 работников центрального аппарата и 59 областного аппарата, из которых 12 начальников обллитов, 24 цензора обллитов, 12 начальников спецчасти и 11 бухгалтеров обллитов. Все 87 работников утверждены приказами Главлита. В номенклатуру ЦК КП(б)Б входили все 12 начальников обллитов. А цензоры в номенклатуру ЦК КП(б)Б не входили. В результате этого имелся ряд случаев, когда гормом и Кагановичский райком пытались взять на работу работников из Главлита [12, л. 151–152].

Штат обллитов должен был состоять из начальника, двух цензоров (тогда они назывались политредакторами), бухгалтера, начальника спецчасти и уборщицы. Однако далеко не всегда в них был полный комплект работников. Например, с 1952 по 1953 гг. в Витебском обллите не хватало одного цензора [16, л. 10]. Проблемы с кадрами сохранились до передачи 15 марта 1953 г. органов цензуры в систему МВД СССР [18, л. 3].

Таким образом, в послевоенный период, несмотря на тяжелое материальное положение, система местных органов цензуры была восстановлена. На местном уровне цензорский контроль должны были осуществлять штатные цензоры обллита и в районах областей цензоры-совместители. Однако низкая зарплата, плохие условия труда и высокая

ответственность приводили к большой текучести кадров. Слабым звеном в работе местных органов цензуры являлась работа райуполномоченных. Частая смена районных цензоров не давала возможности облителям проводить систематическую работу среди них, помогать усваивать цензорские документы, в достаточной мере ознакомиться с процессом цензуры, что приводило к разглашению государственной и военной тайны. В результате низкий уровень цензуры в республике был представлен малограмотными работниками, что неизбежно сказывалось на качестве работы.

Источники и литература

1. Гужалоўскі, А. А. Чырвоны аловак : Нарысы па гісторыі цэнзуры ў БССР / А. А. Гужалоўскі : у 2 кн. – Мінск: А.М. Янушкевіч, 2018. – Кн. 2 : 1943 – 1991 гг. – 320 с.
2. Государственный архив Витебской области (ГАВО). – Ф. 3991. – Оп. 2. – Д. 1. 3. ГАВО. – Ф. 3991. – Оп. 2. – Д. 2.
4. ГАВО. – Ф. 3991. – Оп. 2. – Д. 19.
5. Гісторыя Беларусі : у 6 т. / Л. Лыч [і інш.]: рэд. кал.: М. Касцюк (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск: Современная школа, Экоперспектива, 2011. – Т. 6 : Беларусь у 1946–2009 гг. – 728 с.
6. Указ Президиума ВС СССР от 9 июня 1947 г. «Об ответственности за разглашение государственной тайны и за утрату документов, содержащих государственную тайну» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ru.wikisource.org/Указ_Президиума_ВС_СССР_от_9.06.1947_об_ответственности_за_разглашение_государственной_тайны_... – Дата доступа: 6.05.2022.
7. ГАВО. – Ф. 113–п. – Оп. 32. – Д. 167.
8. ГАВО. – Ф. 3991. – Оп. 1. – Д. 1.
9. Сборник важнейших приказов и инструкций по вопросам карточной системы и нормированию населения. – Информационно-издательское бюро отдела торговли Леноблисполкома, 1945. – 151 с.
10. Смиловицкий, Л. Л. Цензура в БССР: послевоенные годы, 1944–1956 / Л. Л. Смиловицкий – Иерусалим: (б/из.), 2015. – 360 с.
11. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 1195. – Оп. 2. – Д. 9. 12. НАРБ. – Ф. 1195. – Оп. 2. – Д. 16.
13. НАРБ. – Ф. 1195. – Оп. 2. – Д. 72.
14. ГАВО. – Ф. 3991. – Оп. 2. – Д. 7.
15. ГАВО. – Ф. 3991. – Оп. 2. – Д. 5.
16. ГАВО. – Ф. 3991. – Оп. 2. – Д. 10.
17. НАРБ. – Ф. 1195. – Оп. 2. – Д. 31.
18. ГАВО. – Ф. 3991. – Оп. 1. – Д. 3.